

ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТА С ЕС: ЧТО ЖЕ БУДЕТ С РОДИНОЙ И С НАМИ?

Денис Мельянцов, Алексей Пикулик

Резюме

Данная статья является продолжением предыдущей и ставит перед собой скромные цели — приблизиться к пониманию возможных последствий конфликта ЕС и Беларуси. Мы по-прежнему считаем, что происходящее сейчас в отношениях между ЕС и Беларусью с высокой долей вероятности предопределяет развитие политики, экономики и общества на достаточно долгий срок. Именно поэтому, сейчас, как никогда, важен общественный и экспертный диалог по крайне болезненным вопросам, в котором аргументы всех сторон будут услышаны.

Последствия конфликта с ЕС и Беларусью

Эскалация конфликта между ЕС и Беларусью может быть остановлена в случае, если какая-либо из сторон в одностороннем порядке и реальными действиями начнет демонстрировать готовность сесть за стол переговоров. Решение о возвращении послов может свидетельствовать о подобном изменении логики конфликта. Не отрицая вероятности скорого «оптимистичного» исхода, остановимся в этой статье лишь на рассмотрении варианта эскалации конфликта (который кажется нам более вероятным) и предположим, что дипломатический конфликт между Минском и ЕС перейдет в фазу спарринга, в котором стороны будут лишь наращивать силу ударов. Уже в марте Европейский Союз может повысить ставки и добавить в черный список ряд судей, силовиков и некоторых белорусских бизнесменов, которые, по мнению Брюсселя, спонсируют белорусский режим. Параллельно с попыткой сделать кнут более болезненным для режима ЕС предложит белорусам новый пряник — «модернизационный пакет», суть которого на данный момент не до конца ясна даже самой Европе. После этого в арсенале ЕС останется лишь риторика о введении полномасштабных экономических санкций против ряда бюджетобразующих предприятий Беларуси, которая, скорее всего, так и останется риторикой.

Официальный Минск с высокой долей вероятности может отвечать на новые шаги ЕС снижением уровня контактов с Европейским Союзом, сокращением присутствия западных дипломатов в стране, выходом Беларуси из «Восточного партнерства», а также усилением давления на политическую оппозицию и гражданское общество. Последние будут назначены «ответственными» за санкционную политику ЕС и демонстративно наказаны. Уже сегодня формируется негласный список невыездных из Беларуси представителей оппозиции и гражданского общества. И этот список, вероятно, будет расширяться по мере расширения списка невыездных в ЕС чиновников и бизнесменов.

Итак, уже сейчас можно предположить, что **основными внутривнутриполитическими последствиями дальнейшей эскалации конфликта Беларуси и ЕС** станут следующие процессы:

- **«Перезагрузка» белорусского режима в предельно жесткий репрессивный авторитаризм**, что скажется не только на окончательном сворачивании политических и гражданских прав, но и на финальной победе силовиков над «умеренным» крылом политической элиты. Последний процесс важен хотя бы потому, что сузит возможные репертуары действий власти и снизит и так призрачную вероятность эволюции режима изнутри.

- **Дальнейшая делегализация и демонтаж институтов и структур независимого политического и гражданского общества**, которая на этот раз может коснуться и тех, на кого напрямую не распространилась волна репрессий, начавшаяся после 19 декабря 2010 года. В рамках превентивной авторитарной стратегии власть постарается лишить ЕС потенциальных партнеров внутри страны и тем самым снизить эффективность любых попыток западного воздействия на общество.

- **Потеря возможности институциональной и технологической модернизации белорусской экономики за счет европейских инвестиций**; а также аппроксимации европейских ценностей белорусским обществом за счет расширения присутствия ЕС в Беларуси.

- **Кубинизация белорусской оппозиции**. Часть оппозиции будет перманентно удерживаться в качестве заложников внутри страны, в то время как центр оппозиционной активности будет (не без помощи ЕС) перемещен за пределы Беларуси, что приведет к дальнейшей радикализации игроков, усугублению кризиса электоральной репрезентации и к еще большему разобщению оппозиции. ЕС в результате этого процесса окончательно утратит рычаги влияния на ситуацию в Беларуси. Потеря «партнеров» внутри страны будет лишь способствовать сохранению авторитарного статус-кво: ЕС попросту будет не на кого опираться внутри Беларуси.

Наиболее вероятным **геополитическим последствием** эскалации конфликта может стать углубление втягивания Беларуси в Россию. Сразу оговоримся: речь идет не столько о том, что Беларусь может быстро потерять суверенитет и признаки государственности. Россия не заинтересована в полном поглощении Беларуси, ведь подобная попытка повлечет за собой высокие транзакционные издержки (прямая ответственность за неэффективную белорусскую экономику, новый возможный сепаратизм, сопротивление Запада и прямая граница с НАТО). Проблема втягивания может заключаться в попытке России сделать из Беларуси квази-оффшорную зону для товарного и финансового транзита, в рамках которой будет практиковаться серый арбитраж по ценам и тарифам при сохранении признаков политической независимости.

Кроме того, процесс евразийской интеграции при членстве России в ВТО будет форсировать реформирование белорусской экономики, которому Лукашенко, при всем желании, едва ли сможет эффективно сопротивляться. С одной стороны, подобная «вынужденная модернизация» лучше, чем сохранение квази-социалистической экономики в Беларуси. С другой, в контексте отсутствия западного капитала в стране, качество новой белорусской модели рискует стать низким, а

политическая зависимость от России — крайне высокой. Наконец, ключевой процесс создания структуры прав собственности и приватизации предприятий преимущественно в пользу российского капитала создаст «зависимость от колеи», из которой стране будет крайне сложно выбраться и которая на долгие годы предопределит горизонты возможного в Беларуси.

Обозначив некоторые системные риски, а также основные последствия от разворачивания конфликта для белорусского общества, постараемся: а) проанализировать аргументы сторон, б) имплицитно ответить на скандальный вопрос *cui prodest* (в чьих интересах происходящее)?

Эмоции vs реальность?

Дипломатический конфликт запустил процесс раскола внутри оппозиции на «радикалов» и «умеренных». С одной стороны, этот процесс положительный. Так, опыт демократических транзитов в Латинской Америке и Южной и Восточной Европе показывает, что демократическая консолидация в поставторитарный период вероятнее тогда, когда транзит к демократии осуществлялся путем заключения «пакта» между «умеренным лагерем» режима и «умеренными» представителями оппозиции (*Schmitter and O'Doneell, 1986**). С другой стороны, в белорусских реалиях отчетливо кристаллизовалась лишь радикальная позиция «эмоционального меньшинства». При этом **умеренное «молчаливое большинство» остерегается артикулировать собственную политическую позицию, и, тем самым, упускает новое окно возможностей — занять политический центр, солидаризируясь с теми, кто против как Лукашенко, так и санкций, но за интересы белорусов.**

«*Эмоциональное меньшинство*», наиболее пострадавшее от репрессий 2010-2011 года и, безусловно, имеющее полное моральное право на обоснованную радикальную позицию, представлено следующими политиками и гражданскими деятелями: **Николай Статкевич, Станислав Шушкевич, Ирина Халип, Алесь Михалевич, Николай Халезин, Наталья Радина** и другие. Ими предлагаются по крайней мере три версии аргументов в пользу введения санкций, логика которых все же может быть подвергнута критике:

- «*Лукашенко отвечает Европе излишне жестко, значит, визовые ограничения попадают в цель, следовательно, нужно расширять санкции*». Увы, есть высокая вероятность того, что авторы данного аргумента принимают желаемое за действительное, а именно путают истинные мотивы белорусского лидера в игре с ЕС с фрустрацией и уязвленностью. С другой стороны, раздраженность режима вовсе не означает его готовность идти на уступки и, тем более, меняться. Скорее, наоборот. **Санкции оказывают определенное воздействие, но они не способствуют напрямую достижению цели освобождения политзаключенных и улучшения климата в стране.**

- «*Санкции ЕС (неэффективные сейчас) приведут к желаемому эффекту, когда Лукашенко потеряет «защиту» со стороны России, следовательно, стоит ждать открытия этого окна возможности*». **Но это окно может и не открыться в обозримом будущем, так как сейчас мы наблюдаем углубление, а не ослабление интеграционных связей с Россией.** И во многом такому углублению как раз способствовала политика санкций, не оставляя белорусскому режиму иного выбора, как идти на поклон к России. С другой стороны, как показывает недавняя история, как только защита со стороны Москвы начинает ослабляться (торговые

конфликты, сопровождающиеся информационными войнами), Брюссель тут же переходит к более мягкой политике в отношении Минска, стараясь втянуть его в европейскую орбиту.

- «Только экономические санкции, которые ударят по белорусской экономике, приведут к падению режима». Данный аргумент а) является утопичным, так как **полноценные экономические санкции маловероятны**, б) **не принимает во внимание относительно простые способы обойти гипотетические санкции** путем работы через оффшоры и Россию и наличие возможности переориентировать экспорт нефтепродуктов после изначального стресса в) **демонстрирует отсутствие причинно-следственной связи между экономическим кризисом (последствием санкций) и приходом к власти демократической оппозиции.**

Во-первых, в целом, **экономические кризисы не приводят к ослаблениям авторитарных режимов в короткой и средней перспективе** (что, в частности, наглядно продемонстрировал как экономический кризис 2011 года в Беларуси, так и сравнительные исследования влияния кризисов на авторитарные режимы в целом). Во-вторых, сравнительные исследования эффективности санкций (в частности, (*Licht, 2011***), опирающееся на базу данных, которая включает 889 лидеров с 1970 по 2004 годы) демонстрируют парадоксальные выводы: экономические санкции не приводят к достижению результатов (в персоналистских режимах включительно), и **чем больше диктатора пытаются сместить извне, тем дольше он, в итоге, находится у власти.** В-третьих, сторонники введения полномасштабных экономических санкций предполагают лишь оптимистический исход падения режима и демократизации в поставторитарный период. При этом неясно, как именно демократическая оппозиция получит власть в результате гипотетического кризиса (вызванного гипотетическими санкциями) и почему исключаются пессимистические варианты выживания режима: усиление репрессий и «закрытие страны».

«Умеренный лагерь» представлен спектром мнений и аргументов, в которых, однако, отсутствует консолидированная и четко артикулированная позиция. Так, **Александр Милинкевич и Андрей Дмитриев** открыто оценивают санкции ЕС как «неэффективные», но символически необходимые. Большинство политиков, однако, уходят от прямых ответов на вопрос о конфликте ЕС и предпочитают переводить заявления в русло сугубо экспертных оценок (**Владимир Некляев, Виталий Рымашевский, Винцук Вячорка, Сергей Калякин, Алексей Янукевич**).

Первая причина, по которой белорусские публичные политики не рискуют открыто выступать против эскалации конфликта и призывать ЕС вернуться к политике втягивания, заключается в низкой внутренней электоральной подотчетности, которая из-за авторитарного характера режима заменяется внешней подотчетностью и опорой на внешних партнёров. Этот кризис репрезентации и вынужденная зависимость от внешних сил приводят к порочному кругу. С одной стороны — европейские политики делают то, к чему их призывает белорусская оппозиция, так как считают мнение именно своих белорусских партнеров приоритетным. С другой стороны, после того, как персональный конфликт с Лукашенко набрал обороты, **умеренная часть белорусской оппозиции не рискует подавать голос против текущего тренда санкций и предпочитает уходить от неудобных вопросов.**

Вторая причина заключается в репутационной ловушке и огромном пространстве для взаимных подозрений и спекуляций. Так, «молчаливое большинство» при озвучивании позиций «за втягивание и против санкций» может и будет мгновенно обвинено в **а)** работе на внешнюю легитимацию режима, **б)** предательстве по отношению к политзаключенным и пострадавшим от режима и **в)** прямой работе на белорусские спецслужбы.

При этом отстаивающие радикальную позицию «за экономические санкции» рискуют быть обвиненными со стороны как власти, так и сторонников диалога в **а)** политической безответственности — ведь последствия эскалации конфликта негативно скажутся на белорусском обществе, чьи интересы оппозиция должна представлять политически; **б)** работе на снижение политических рисков Лукашенко путем «вывода» оппозиционной деятельности за границы Беларуси, **в)** сознательной или несознательной работе на интересы России, которая в данном конфликте оказывается основным получателем выгод.

Вместе с тем и защитники, и противники экономических санкций разделяют общую цель — построение независимой демократической Беларуси, и разнятся лишь в тактических приемах её достижения. И здесь есть широкое поле для договоренностей и компромиссов.

В заключение повторимся: происходящее сейчас на европейском фланге может иметь действительно серьезные последствия для Беларуси, которые будет очень сложно преодолеть. И именно поэтому как никогда важно увидеть лес за деревьями и всем игрокам действовать в интересах страны. На кону не персональная власть, не личные амбиции или возможность символической вендетты — **на кону целый этап развития страны**, а последствия конфликта Беларуси и ЕС невыгодны белорусскому обществу. **Поэтому самое главное в нынешних условиях — это остановить эскалацию конфликта** и задуматься о возможных путях его урегулирования. И здесь все стороны должны пойти на необходимые уступки: и официальный Минск, и Брюссель. А демократическая оппозиция должна оставить в стороне разногласия и постараться слышать и терпимо относиться к альтернативным аргументам. Наивно полагать, что белорусский авторитаризм будет реформирован извне, как и наивно полагать, что «демократия» сразу восторжествует на руинах лукашенковской власти.

В следующей статье этого цикла мы постараемся очертить возможные пути выхода из дипломатического кризиса и белорусско-европейского политического конфликта в целом.